
ФИЛОСОФИЯ

УДК 101

С.В. Смирнов

Донской государственный университет

г. Ростов-на-Дону, Россия

redaction-el@mail.ru

ИНДИВИД В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СТРАХ КАК ОТНОШЕНИЕ К СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

**[Smirnov S. An individual in Russian society:
fear as an attitude towards social world]**

A social functioning of fear is viewed through the concept of individualized society. The individual in Russian society is notable for his optimism rooted in the customary craving for being self-reliant. Fear-ing is interpreted in a context of social solitude and social uncertainty. The author argues that fearing in Russian individuals is associated with compelled adaptivity and act as the way of limitation of social in-teractions but then carry out the demand for social alignment.

Key words: individual fears, Russian society, undersocialized fears, socialized fears, social solitude.

Рассматривая индивидуальные страхи на языке психологии, ускользает один важный момент: социальные страхи являются социальными потому, что носят не уникальный, одиночно проявляющийся характер, а являются модальными, определяют в целом господствующий тип личности в обществе. Для социальной философии важным является получение знания о страхе, как атрибуте и параметре жизни социального индивида, существенным, влияющим на самосознание индивида и на отношение к «другим» лю-дям. Реализуя это положение, можно сказать, что индивидные страхи в рос-сийском обществе проявляются на уровне повседневных практик. Поэтому особенно важным является выявление того, что можно назвать индивидным наследством в виде коллективного и индивидуального (семейного) опыта, а также приложение к сфере повседневности понятий рефлексии, соотноси-мых с теоретическим уровнем сознания.

Рассматривая это положение, можно говорить, что предложенная феноменологией повседневности схема описывает трансцендентальные чувства, фундаментальные настроения, априорные чувственно-эмоциональные структуры [4]. Однако по отношению к страхам повседневные практики не являются незаметными. В большей степени культивирование беззаботности на уровне житейского оптимизма ретушируют особенность, связанную с проблематичностью существования и не согласуются с представлением о личности, как исполненном оптимизма. Указанные авторы отмечают роль трансцендентального страха в контексте торможения и табуирования активности и возможности бессмысленных поступков. Власть страха, по их мнению, разрушает обыденность, поскольку не позволяет выстраивать и сохранять постоянный порядок жизни [4].

Это важное замечание, поскольку, как отмечалось ранее, в российском обществе индивидуальные страхи ассимилированы, вытеснены в сферу отношений с государством и обществом, с объективированными социальными структурами. На уровне повседневных практик отсутствует невыносимость жизни, обнаруживается связь страха в самоограничении социальным микромиром, желанием не допускать влияния возмущающих факторов, озабоченность избыточными проблемами. Корпускулирование страха является адаптивной процедурой, и в российском обществе, где проявляется ностальгия по прошлому, не включаются механизмы тревоги. Это кажется противоречащей установкам исследователей, которые полагают, что именно на осознании прошлого построены индивидуальные страхи в российском обществе, что страх возникает из чувства тоски по, пусть не прекрасному, но стабильному и предсказуемому прошлому.

Такое суждение нельзя назвать полным, так как индивидуальные страхи в российском обществе порождаются повседневными практиками, актуалистски, и то, что можно охарактеризовать как обращенность к прошлому, в реальности представляет реконструкцию прошлого, ее восприятие в настоящем. Поэтому попытки представить российское общество зараженным сталинизмом, тоскующим по диктатуре и железному порядку, в реальности является «социально-оптической» иллюзией: в обществе на индивидуальном уровне проявляется псевдокультивирование образа вождя, так как в рамках реализуемых адаптивных стратегий поведения и отношения к приватной сфере как сфере завоеванной свободы, трудно ожидать от большинства россиян одобрения возврата в «чудесное» прошлое.

В большей степени это напоминает протест, индивидуальную реакцию на ситуацию социального беспорядка, на отклонение от социальных ожиданий, связанных с сильным государством и практиками социального опекуства. Россияне в этом смысле не являются фроммовскими персонажами, бегущими от свободы, и теми, кто готов вручить свою судьбу в руки вождя. На уровне индивидуальных страхов проявляется псевдоностальгия, когда индивидуальные страхи оправдываются разрушающим влиянием социальной среды и не исключают личную ответственность и озабоченность индивидов. Другими словами, индивидуальные страхи характеризуются выделением абстрактно общих, внешних, доминированием связей личной вещной зависимости между индивидами, что снижает уровень принятия социализированных, содержащих элементы самоуважения и почтительности, страхов и в той же степени наделяет самостоятельностью ограниченные коммуникативные практики. В силу того, что межличностное взаимодействие ранжируется в зависимости от прагматического интереса, страхи продуцируются в виде формулы потери, утраты жизненных целей и, главное, ощущения социальной неудачливости, выпадения из круга знакомых как обычных людей.

Для понимания природы личностных, индивидуальных страхов в российском обществе важным представляется положение В.Г. Федотовой о том, что в российском обществе разрушен коллективизм, но ему на смену пришел не автономный индивид, а массовый, с примордиальной идентичностью. Не решаются проблемы научно-технологической политики, конкурентоспособности, депопуляции и угрозы территориального распада, русского сепаратизма при реализации плана укрупнения территории. Вместе с тем, доминируют апатия, стабилизационный тип порядка, как и анархия, найденный не в проектной деятельности властей, а в некоторой игре исторических последствий российской истории как с властью, так и с народом. Для понимания этого нужна не упрощенная идеология, а серьезный научный анализ [8]. Иными словами, индивидуальные страхи проецируют состояние неопределенности, мятежности существования и то, что можно назвать основанием страхов как формально-рациональный порядок, является социально бедным. В этом случае не возникает дилемма «жить или не жить», но реальностью является ориентация индивидов в российском обществе на отстранение от эффекта социального сопереживания, социального соучастия и ограничение